

Через щель в двери Сун Цинъи принял одежду, привёл себя в порядок и передал её внутрь полога.

Слушая тихие звуки одевания за пологом, иногда слыша слегка учащённое дыхание Ци Жуньюня, Сун Цинъи стоял у кровати, сжимая в руках фарфоровую коробочку — её дядя Нань передал вместе с одеждой. Сун Цинъи, конечно, знал, что это было. Немного помедлив, он спросил:

— Штаны пока не надевай, я нанесу тебе мазь.

Полог мгновенно дрогнул, и Сун Цинъи, не обращая внимания на неловкость, резко откинул его. Он увидел, что Ци Жуньюнь, наполовину надевший штаны, был настолько поражён его словами, что свалился на бок. Увидев, что Сун Цинъи открыл полог, он покраснел и отвел взгляд.

Сун Цинъи увидел, что тот, одетый в верхнюю одежду, но лишь наполовину в штаны, обнажил одну ягодицу — особенно заметен был след от пальцев на ней. Его дыхание слегка участилось, но он старался сохранять спокойствие:

— Как раз, я нанесу тебе мазь.

Процесс нанесения мази был испытанием для обоих. Сун Цинъи из-за чувства вины и некоторых невысказанных причин, а Ци Жуньюнь, вероятно, из-за смущения, почти полностью уткнулся в одеяло.

Быстро закончив с мазью, Сун Цинъи не обратил внимания на протянутую руку человека, пытающегося скрыть своё смущение, и сам помог ему одеться, привёл в порядок, а затем, поддерживая, усадил на стул у кровати, прежде чем выйти и открыть дверь.

Дядя Нань, ждавший снаружи, увидев, что его господин наконец открыл дверь, с пониманием улыбнулся его слегка смущённому выражению лица и незаметно вошёл в комнату.

Только войдя, он слегка сморщил нос, уловив явный запах в воздухе. Увидев, что лицо новобрачного у кровати всё ещё покраснело, а постель была в беспорядке, он с улыбкой на лице приказал слугам подать подогретый завтрак.

Расставив блюда и лично расставив палочки для еды, дядя Нань обернулся:

— Старший молодой господин, госпожа, пожалуйста, позавтракайте. Потом сходите к господину, чтобы приветствовать его, и не сердитесь на него — он делает это для вашего же блага.

Сказав это с добродушной улыбкой, дядя Нань удалился вместе со слугами.

Сун Цинъи закрыл дверь. Он прекрасно понимал выражение лица дяди Наня при уходе. Проснувшись заново, он, конечно, не стал бы винить родителей за их методы в брачную ночь. Пройдя через это однажды, он знал, что хотя родители были строги и не понимали человеческих чувств, их настойчивость в своих убеждениях была сильной. Но его упрямая любовь, из-за которой он пренебрёг семьёй ради одной женщины, была не менее безответственной и ошибочной. Тем более что эта любовь привела к кровавой и трагической развязке, и он не мог позволить себе повторить это снова.

Вздохнув, он обернулся и увидел, что Ци Жуньюнь стоит у стола, с едва заметной

растерянностью на лице.

Сун Цинъи опешил, поняв, что, пока он задумался у двери, он забыл, что этот человек был самым невинным во всей этой ситуации. Вспомнив его конец в прошлой жизни, он слегка вздрогнул и поспешил отогнать мысли.

— Давай сначала позавтракаем. Я пойду с тобой к матери, а потом ты пораньше вернёшься отдохнуть.

Другие слова остались невысказанными. Сейчас он не мог проявлять слишком много внимания, и это было всё, что он мог сделать.

Ци Жуньюнь, увидев, что Сун Цинъи сел, наконец последовал его примеру. Богатство и власть семьи Сун были непревзойдёнными, и завтрак в таком доме был соответствующим. Изысканная рисовая каша, несколько маленьких деликатесных закусок, гарниры к каше — всё это, казалось бы, простое, но излучало тонкую роскошь.

Сун Цинъи сначала налил Ци Жуньюню кашу, затем выбрал несколько мягких закусок и поставил перед ним:

— В последнее время ешь более лёгкую пищу, через несколько дней попрошу кухню приготовить то, что ты любишь.

Почему еда должна быть лёгкой, объяснять не нужно. Действительно, он увидел, как Ци Жуньюнь слегка замер при его словах, но больше не проявлял смущения, лишь спокойно кивнул.

Сун Цинъи не стал продолжать, и они тихо позавтракали.

После завтрака, попросив слуг убрать посуду, Сун Цинъи повёл Ци Жуньюня в сторону материнского двора.

Эти знакомые и в то же время чуждые сады и пейзажи, если бы не яркие воспоминания о гневе и обиде, вызвали бы у Сун Цинъи лишь раздражение. Но, пережив те мучительные воспоминания, он теперь чувствовал лишь благодарность, жадно впитывая каждую знакомую травинку и цветок.

Ци Жуньюнь шёл рядом, спокойный, хотя из-за состояния тела его походка была слегка неровной, но на лице не было и намёка на беспокойство. Время от времени его взгляд, казалось, случайно скользил по задумчивому человеку рядом.

Мать Сун Цинъи была главной женой семьи Сун и должна была жить с отцом в центральном дворе. Однако его мать любила тишину и большую часть времени проводила в небольшом уютном дворике в задней части дома. Сейчас Сун Цинъи вёл Ци Жуньюня именно туда.

Дом семьи Сун был построен на склоне горы рядом с городом Цзиньчэн, и большая часть этой безымянной горы принадлежала семье. Дворы семьи Сун сочетали в себе искусственную изысканность и природную красоту горного ландшафта. Дворик главной жены, расположенный в задней части, находился на возвышенности, и перед ним была небольшая лестница, хотя и недлинная, но состоящая из нескольких десятков ступеней. Однако сейчас перед двором не было ни одного слуги или служанки.

Сун Цинъи слегка нахмурился. Он понимал, что Ци Жуньюнь в заднем дворе не будет

пользоваться уважением и даже может столкнуться с мелкими унижениями, но, учитывая его статус законной жены, обычные слуги не посмели бы его обидеть. Однако текущая ситуация была гораздо хуже.

Он повернулся, чтобы посмотреть на выражение лица Ци Жуньюня, и увидел, что на его обычно спокойном лице появилась бледность, а на лбу выступила испарина. Он вдруг вспомнил, что тот чувствовал себя неважно, и, хотя путь был недолгим, из-за его задумчивости они шли почти четверть часа. Он вспомнил, что в прошлой жизни после приветствия матери Ци Жуньюнь заболел. Тогда он думал, что тот подвергся издевательствам у матери, но теперь понял, что без его ночного безумия тот не был бы так слаб.

С чувством вины Сун Цинъи остановился и положил руку на поясницу Ци Жуньюня, почувствовав, как тот напрягся, и увидел на его лице лёгкое недоумение.

Сун Цинъи мягко улыбнулся:

— Моя оплошность, Линьюй. Если тебе нехорошо, обопрись на меня, мы медленно поднимемся.

Хотя он знал, что мать наверняка ждала Ци Жуньюня во дворе, он не мог не беспокоиться о его состоянии.

— Всё в порядке, не стоит заставлять матушку ждать.

Ци Жуньюнь, молчавший всю дорогу, наконец заговорил. Его голос, хотя и не был таким хриплым, как утром, всё же звучал приятно, с лёгкой хрипотцой.

Сун Цинъи кивнул, но не убрал руку, лишь слегка обнял, чтобы Ци Жуньюнь мог опереться на него.

— Тогда пойдём, медленно.

Двор матери находился на возвышенности, и хотя лестница была недолгой, последние ступени были довольно крутыми. Он не понимал, почему его мать, с возрастом, предпочитала жить здесь.

Переступая порог двора, Сун Цинъи явно почувствовал, как человек в его объятиях дрогнул, и почувствовал сожаление. Хотя это было вызвано эффектом лекарства, но прошлой ночью он постепенно приходил в себя, но, поддавшись эмоциям, позволил себе расслабиться. Единственное утешение было в том, что он не причинил слишком много вреда.

Собираясь спросить, не хочет ли Ци Жуньюнь остановиться и отдохнуть, он услышал мягкий, но едкий голос, доносящийся издалека:

— О, новая госпожа, кажется, действительно важная персона. Солнце уже в зените, а она только входит во двор. Это, должно быть, проявление неуважения к старшей госпоже.

Как законная жена старшего сына, титул главной жены естественно перешёл к нему, а господин и госпожа стали старшими.

Эти слова, сказанные мягко, были полны яда, и непонятно, кому они были адресованы — тем, кто только что вошёл, или тем, кто уже сидел внутри.